

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов
Смотрины и сговор
Серия «Сцены из купеческого быта»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525355

Горбунов И.Ф. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Нет, нам судить. Страм! Вам теперь есть, поди, нечего, а она в колясках разъезжает. Надо полагать, парень от ее безобразия-то и помутился. Помутишься! Жил, можно сказать, в довольстве, да в роскоши, к науке себя приспособить хотел, а опосля покойника вы его на кухню прогнали...»

Содержание

I	5
II	19

Иван Федорович Горбунов

Смотрины и сговор

Еремей Терентьевич Смесов, купец лет 50.
Дарья Ивановна, его жена.

Душа (Авдотья), их дочь, 17-ти лет.

Фекла Федосеевна (бабушка), мать Смесова.

Анна Петровна, купеческая дочь, девица 40 лет.

Верочка, подруга Души.

Марья Ивановна, чиновница.

Действие происходит в Москве, в Рогожской улице.
Небольшая комната, меблированная без вкуса.

I СМОТРИНЫ

БАБУШКА и АННА ПЕТРОВНА.

Бабушка.

С этаким человеком и говорить-то приятно, потому, у него всякое слово на пользу. По всем местам ходил, все видел... Такие, говорит, места есть – кормят как, трапеза какая – рай земной!..

Анна Петровна (*вздыхает*).

Есть, есть; не всякий только, по грехам по своим, сподобится увидеть-то их.

Бабушка.

Мы, говорит, в сем мире только плоть свою тешим... Да ведь и правда!

Анна Петровна.

Все правда!

Бабушка.

Я, говорит, не то что к примеру, это зря говорю: все это я

ИЗ КНИГ... ПО КНИГАМ ВСЕ...

Анна Петровна.

Вот бы его, Фекла Федосевна, насчет нашего Демьяшки-то спросить...

Бабушка.

А что?

Анна Петровна.

В уме помутился от книг-то.

Бабушка.

Зачитался?

Анна Петровна.

Третий год, матушка, мы с ним маемся. Чего, чего не делали – и в пустынь-то возили, и на дому-то отчитывали – ничего не помогает. Доктора как-то звали. Приехал, посмотрел. Давно ли? говорит. – Так и так говорим: три года. – Поздно, говорит: – кабы вы по-первоначально ко мне приехали, я бы поставил его на ноги, а теперь нельзя. Сестра Домна говорит: это мы, говорит, оттого полагаем, что он книг зачитался, потому, он с малых лет все в книжку читал. Ну, он засмеялся. Нешто они понимают! Измучил он нас совсем, хоть бы поскорей прибрал его Бог. Третий год не встает с постели, да-

дут ежели поестъ – поест; нет – ему все равно – не спросит. И ведь это, Фекла Федосевна, дивное дело: ума бы, кажется, у него совсем нет, потому, говорит все это несообразно, одежду на себе рвет, песни поет, а как посты все знает, праздники... уму непостижимо! Сестра Домна когда это спросит: Демьяша, какой нынче праздник – сейчас скажет.

Бабушка.

Да он у вас, должно, блаженный.

Анна Петровна.

Бог его знает.

(Входит Смесов).

Бабушка.

Послушай-ко, Еремей Терентьич, что Аннушка про племянника рассказывает.

Смесов.

Слушать-то нечего, знаем! Уморили парня, да теперь разговаривают.

Анна Петровна.

Чем мы его уморили-то?

Смесов.

Молчи лучше! Скажу – стыдно будет.

Анна Петровна.

Сестра Домна...

Смесов.

Раскаznить надо твою сестру Домну-то!

Анна Петровна.

Да коли бы ежели в те-поры не она...

Смесов.

Всех она вас после родителя-то оболванила. Который от покойника Петра Савича капитал-то остался – где он? Сколько страму-то было, – помнишь, аль нет? Все быть ба-рыней хотелось, эниральшей! Хоть бы теперь, дура, грех-то прикрыла... не молоденькая!..

Анна Петровна.

Не нам судить.

Смесов.

Нет, нам судить. Страм! Вам теперь есть, поди, нечего, а она в колясках разъезжает. Надо полагать, парень от ее безобразия-то и помутился. Помутишься! Жил, можно сказать,

в довольстве, да в роскоши, к науке себя приспособить хотел, а опосля покойника вы его на кухню прогнали.

Анна Петровна.

Что ж, коли мы в бедность произошли...

Смесов.

Учить-то ее некому! Намедни, говорят, с сожителем-то своим в Марьиной такой кранболь сделали, что любо-два! Все с фонарями отсюда приехали.

Бабушка.

Ну, Бог с ней! Она в грехе, она и в ответе,

Смесов.

Да парня-то жалко. Ты бы, бабушка, туда пошла. Скоро, чай, приедут.

Бабушка.

Пойдем, Аннушка.

(Все уходят; входят Верочка и Душа).

Душа.

Ты знаешь, Верочка, отчего у нас так в зале убрано?

Верочка.

Нет, не знаю.

Душа.

Меня сватают.

Верочка.

Что ж, это дело хорошее.

Душа.

Мне очень совестно!..

Верочка.

Тут нечего совесть наблюдать, а вышла поскорей, – и конец...

Душа.

Страшно на первой-то раз.

Верочка.

Смотреть, что ли, придет?

Душа.

Ждут.

Верочка.

Меня четыре раза смотрели: я тебя научу, – тут важности нет; другое дело, когда под венец везут – тут совсем другие чувства нужны, а это очень просто. Он благородный?

Душа.

Нет, купец.

Верочка.

Что ж, с купцом особенной и политики не нужно. Не смотри ему только в глаза, чтоб не зазнавался.

Душа.

А ну, как он говорить будет?

Верочка.

Они не говорят. Он только вопьется в тебя глазами...

Душа.

Ужасно конфузно!

Верочка.

Это с непривычки.

Душа.

А что ты думала, Верочка, когда тебя смотрели?

Верочка.

Известно, все разное думала... обо всем. Только ко мне все нехорошие сватались; а один так пьяный приехал, все целоваться лез, насилу выжили.

Кухарка (*впопыхах*).

Барышня, приготовься, матушка, оправься!.. Вера Митривна, обдерни ей платье-то... Едут!.. (*убегает*).

(*Входят Смесов, Дарья Ивановна, бабушка*).

Дарья Ивановна.

Готова ли ты?

Душа.

Готова, маменька.

Бабушка (*плачет*).

Твори молитву... читай про себя молитву.

Душа.

Лучше бы, Верочка, в другой раз...

Верочка.

Не бойся...

(Входят: Иван Гаврилович, молодой человек, в голубых брюках с лампасами, в палевом жилете и пестром галстуке; Гаврила Прокофьич, его отец, лет под 60; Домна Семеновна, его мать в повязке).

(Продолжительное молчание).

Гаврила Прокофьич.

Ехали мимо...

Смесов.

Благодарим покорно, что не побрезговали.

Домна Семеновна *(сыну тихо)*.

Смотри, тебе с ней жить-то...

Иван Гаврилович.

Понимаю, маменька.

(Смесов подносит вино к Гавриле Прокофьичу; тот пьет и откланивается, потом к Домне Семеновне).

Домна Семеновна *(отстраняя рукой рюмку)*.

Благодарим покорно!

Смесов.

Это легкое-с.

Домна Семеновна.

Разве, что легкое... *(отпивает половину рюмки)*.

Дарья Ивановна *(поспешно)*.

Всю, всю, всю-с...

(Домна Семеновна допивает).

(Смесов передает рюмку Душе, та подносит жениху).

Иван Гаврилович.

Сделайте ваше одолжение, увольте великодушно – не употребляю.

Дарья Ивановна.

Нет, уж выкушайте!

Иван Гаврилович.

Ей-Богу, не могу!

Смесов.

Нет, уж вы сделайте милость.

Домна Семеновна.

Он еще у нас не набалован.

(Иван Гаврилович берет рюмку и пьет; кухарка приносит самовар; Душа обносит всех чаем; продолжительное молчание).

Гаврила Прокофьич.

Это у вас какое производство?

Смесов.

Фабричку небольшую держим. *(Молчание).*

Домна Семеновна.

Варенье-то сами варите, аль покупаете?

Дарья Ивановна.

Сами. *(Молчание).*

Иван Гаврилович *(подходит к кантовой картинке).*

Это вы изволили эту самую кошечку вышивать?

Душа *(вся вспыхнув).*

Я.

Иван Гаврилович.

Сами?

Душа.

Сама.

Иван Гаврилович.

Это вы как изволили вышивать – из головы, аль с картин-ки какой-с?

Душа.

С узора.

Кухарка (в дверях).

За эким кавалером никому не стыдно быть... Ишь ты!..
На что лучше!..

(Душа отходит с Верочкой в сторону).

Бабушка (тихо).

Поди, стой на глазах... Куда ушла-то?

Верочка

Ей дурно.

Бабушка.

Отчего, матушка?

Верочка.

Разумеется, от воображения.

(Смесов и Дарья Ивановна подходят к дочери).

Гаврила Прокофьич.

Ну что, как на твои глаза?

Иван Гаврилович.

На все есть воля ваша, тятенька, а мне лучше не требуется; это вы совсем по моим чувствам потрафили – как на счет разговору и на счет всего-с.

Гаврила Прокофьич.

Мать, как дела?

Домна Семеновна.

Что ж, я с него воли не снимаю. Коли ему по нраву пришла, я дам свое благословение... Потолще бы маленько... видней бы была.

Иван Гаврилович.

В толстых-то, маменька, тоже большого проку нет-с.

Домна Семеновна.

Как хотите с отцом... мне все равно...

(Все встают).

Гаврила Прокофьевич.

Прощенье просим. Заезжайте, потолкуем. *(Отводит Смесова в сторону)*. Объявите, что нашему сыну очень ваша барышня пондравилась. А там на счет росписи у нас разговор будет...

(Все уходят).

Верочка.

Что, Душа, понравился?

Душа *(покраснев)*.

Еще не знаю.

Бабушка.

Это опосля все узнаешь.

II СГОВОР

(В конюшне).

МАКАР – кучер жениха; ФЕДОСЕЙ – кучер СМЕСОВА.

Макар *(входя).*

Честь имеем поздравить!

Федосей.

Благодарим покорно!

Макар.

Закрутили вы нашего Ивана Гавриловича.

Федосей.

Это дело хорошее, дай Бог всякому.

Макар.

Значит, мы с им таперича будем жить как должно.

Федосей.

Да, уж баловство всякое надоть бросить, потому мы вам такую кралю отдаем – энаралу не стыдно.

Макар.

Нашему Гавриле Прокофьичу все одно; ему, главная причина, насчет денег, – а что на этих краль мы не смотрим... Сватали уж нам всяких.

Федосей.

Пожалуй, другая и с большими деньгами, да что в ней!.. Вон у Сизова дочь...

Макар.

Знаем; мы и к ней сватались. Иван Гаврилыч в те-поры от ней в бегах находился, в Грузинах проживал. Дело-то до графа доходило, граф уж им разделяцию сделал. Вы меня, говорит, тятенька, хоть на поселенье сошлите, а уж на этой вашей невесте я жениться не согласен. Так уж он его точил, точил... целый год в деревне на фабрике держал...

Федосей.

Ишь он у вас какой!

Макар.

Бедовый! Он только кажется-то подхалимом, а блажной старик. (*Молчание*). Старше-то вот стал тише, а то, бывало, что делал – страсть! Стекла, посуду в трактире перебьет: получай, говорит, капиталы за все, что стоит, а ндраву моему

не препятствуй!.. Раз он у нас без вести пропал.

Федосей.

Ну!

Макар.

С немцем, с красильщиком, запили, а куда же их черт, с пьяных-то глаз, дернул? – в Ростов уехали, да две недели там и хороводились. Бабушка выручать ездила, обманом его от-теда в пустынь увезла, там только очуствовался... Крутой человек! С немцем это они раз было дом сожгли. Тот ему, болтали тогда, какую-то химию показывал. А мадам у немца жила молоденькая, при детях была приставлена насчет науки, так захворала со страху: я, говорит, таких людей сроду не видывала. (Молчание). Коли ежели за ним не усмотрят, он и ноне какое ни на есть колено выкинет, уж он это разрешение себе сделает... Сына женит – нельзя.

Федосей.

Ну, а теперича с Иваном-то Гаврилычем они в ладах, аль нет?

Макар.

Простил. Батюшка, сказывают, на духу уговорил. Сама ездила, батюшку просила.

Федосей.

Мы вчера с хозяйкой к ворожее ездили, так не насчет ли этих делов она гадала? Куфарка сказывала, что хозяйке не совсем ладно вышло...

Макар.

Об нем, это верно.

Федосей.

По твоим речам, надо полагать, так. Пойти велеть дворнику ворота запереть, а то лишнего народа много наберется.

Макар.

Это ничего, пущай смотрят.

Федосей.

А что, в самом деле, пущай смотрят.

Макар.

Уж это везде такие порядки.

Федосей.

Ну, ладно.

Небольшая комната, оклеенная желтыми обоями. ДУША и ИВАН ГАВРИЛОВИЧ сидят на диване.

Душа.

А после сговора вы к нам каждый день будете ездить?

Иван Гаврилович.

Не токма что каждый день, а коли бы ежели какая возможность была, я бы совсем от вас не поехал.

Душа.

Скажите мне откровенно: вы в меня очень влюблены?

Иван Гаврилович.

Какое ж в этом есть сумнение? Поэтому самому я и жениться на вас хочу. *(Целуются. Продолжительное молчание).*

Душа.

Может быть, с вашей стороны это только один разговор, а на уме вы совсем другое держите.

Иван Гаврилович.

Я только одно в уме содержу: поскорей бы мне от тятеньки на свою волю выдти. Ежели я буду жить сам по себе, тогда совсем другая статья будет. А то как раздумаешься иной раз, и выходит, что я самый несчастный человек в своей жизни. Вы, может, по вашим чувствам ко мне, не видите, в какой

меня строгости тятенька содержит. Давеча я папироску закурил; кажется, ничего тут нет такого, особенного, а уж он косятся, и должен я этот взгляд понимать, к чему он клонит... А клонит он к тому, что это им не нравится, что я папироску закурил. Ну, я и бросил, сделал им это удовольствие. (Молчание).

Душа.

А вы прежде были влюблены?

Иван Гаврилович.

При этакой жизни, какая тут любовь: больше все худое на ум идет. Иной раз и не хотел бы чего сделать, и противно бы, кажется, а делаешь, потому самому, что грустно, – думаешь: легче будет. А женить-то меня давно собирались; невест-то мы штук шесть пересмотрели: то самому не понравится, то самой не приглянется. Сам-то больше насчет денег – чуть что – и конец!.. а сама, – Бог ее знает чего хочет. Спросишь, бывало: что, маменька, как? Боюсь, говорит: почитать меня пожалуй, не будет. Шабаш! Другую, значит, надо смотреть. Когда мы к вам-то приехали, я и говорить-то ничего не мог, боялся, что вы им не понравитесь.

Душа.

А если бы я им не понравилась, что бы вы сделали?

(Входят Смесо́ва и Ма́рья Ива́новна, чиновница).

Душа.

Ах, маменька, вы помешали нашему разговору.

Смесова.

Говорите, миленькие, говорите.

Душа.

Нет, уж мы после окончим, а теперь лучше пойдём в залу.

Марья Ивановна.

Об любви, чай, больше толкуете?

Иван Гаврилович *(смеется)*.

И об любви, и обо всем-с.

Марья Ивановна.

Уж, известно, у жениха с невестой друго́ва разговору и
быть не может.

Душа.

Мало ли есть разного разговору...

Марья Ивановна.

Нет уж, Авдотья Еремеевна, вы меня извините, а я очень

хорошо понимаю ваше положение: я ведь тоже замуж вышла.

Душа.

Это вы по себе судите, а я про любовь совсем напротив понимаю.

Смесова.

Что тут понимать-то? Понимать-то нечего... пусяки-то... А ты молись Богу, чтобы Бог дал счастья... *(плачет)*.

Иван Гаврилович.

Это, маменька, первое дело!

Марья Ивановна.

Первое дело.

Душа.

Пойдемте в залу. *(Уходит с Иваном Гавриловичем)*.

Марья Ивановна.

Что это вы такие нынче грустные?

Смесова.

Будешь грустная, как...

Марья Ивановна (*с любопытством*).

Слухи разве какие есть?

Смесова.

Слухов, слава Богу, никаких нет, а вот ворожея меня больно обескуражила, и сама теперь не рада, что поехала к ней – и грех ведь это...

Марья Ивановна.

Да вы не беспокойтесь, ведь оне больше врут.

Смесова.

Бог ее знает... все-таки думается. Слово она одно сказала, да такое что-то...

Марья Ивановна.

Вы завтра молебен отслужите.

Официант (*в дверях*).

Пожалуйте, сударыня, в залу.

Марья Ивановна.

А вы не беспокойтесь: может, это и так пройдет (уходят).

Зала; на стене два портрета – хозяина и хозяйки.

У хозяина в правой руке книжка, а большой палец левой руки заложен за пуговицу; хозяйка на коленях держит ребенка, у которого в руках розан.

По портрету нельзя узнать – к какому полу принадлежит ребенок.

Направо, в углу, играют в тринку, налево – в преферанс.

Вдоль стены сидят гости, больше дамы; барышни, обнявшись, расхаживают по зале.

У дверей официанты. В окнах виднеются головы и приплюснутые носы смотрящих.

Молодой человек с пробором назад.

Прикажете кадсель?

Барышня в палевом платье.

Если вам угодно, там отчего же... можно.

Молодой человек с пробором назад.

По крайней мере, препровождение времени...

Очень молодой человек в пестрых брюках (*к музыкантам*).

Французскую кадсель из русских песен!

1-я гостья.

Не люблю я этих танцев, ничего нет хорошего. (*Уходит; за ней следуют еще две-три гости; входят Иван Гаврилович и Душа*).

Иван Гаврилович (*с беспокойством*).

Что, маменька?

Домна Семеновна.

Кажется, еще ничего... да нешто за ним усмотришь.

(*Становятся пары, начинается кадрили. Во время второй фигуры, в дверях показывается Гаврила Прокофьевич*).

Гаврила Прокофьевич (*к официанту*).

Шпунту бы ты мне еще дал.

Официант.

Слушаю-с.

Иван Гаврилович.

Вам бы, кажется, тятенька, довольно.

Гаврила Прокофьевич (*строго*).

Молчать – твое дело!

Иван Гаврилович.

Да мне Бог с вами! Кушайте сколько хотите, разве жалко, что ли, – страм только.

Гаврила Прокофьевич.

Никто мне указывать не может!

Очень молодой человек в пестрых брюках.

Нет, уж сделайте одолжение, от шестой фигуры меня увольте.

Гаврила Прокофьевич.

Постой, я встану.

(Все смеются).

Один из гостей.

Нет, ты не мешай; мы с тобой опосля.

Официант.

Пуншу приказывали.

Гаврила Прокофьевич.

Спасибо тебе, друг великий! Поцалуй меня.

(Обнимает официанта).

Домна Семеновна.

Шел бы ты лучше на улицу, не страмился бы здесь.

Гаврила Прокофьевич.

Это не твоего дела ума!

Домна Ивановна.

Да что – ума!.. До ужина не дотерпел...

Гаврила Прокофьевич.

За ужином это само по себе. А ты молчи, коли я не приказываю! (*Уходит*).

(Бабушка входит и говорит что-то гостьям на ухо; все одна за другой выходят; кадриль кончен).

Молодой человек с пробором назад (*официанту*).

Куда это все идут?

Официант.

Должно быть, закуску в спальню пронесли. Дамам все больше в спальню подаем, потому по купечеству есть которые водку кушают: ну, так на виду-то не хорошо. Вы, значит, еще порядков здешних не знаете.

Смесов (*входит*).

Вы бы, барышни, повеличали теперь жениха с невестой.

Официант (*тихо Ивану Гавриловичу*).

Пожалуйста, сударь, уймите родителя-то. На дворе с народом бушует. Пляски затеял – все смеются!..

Иван Гаврилович.

Господи, что же это такое! Маменька, пожалуйста!

Домна Семеновна.

Что с тобой, что ты?

Иван Гаврилович.

Сам загулял. (*Бегут*).

(*В конюшне*).

Федосей.

Макар, вставай скорей...

Макар (*просыпаясь*).

Подавать, что ли?

Федосей.

Хозяин твой...

Макар.

Стекла б'єт?

Федосей.

Нет, на дворе в присядку действует...